

УДК-323.1

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ: СЛУЧАЙ МЕКСИКИ¹

А. В. Кузнецова²

В статье анализируется взаимодействие национализма и революции в Мексике. Эти два феномена развивались совместно с момента своего зарождения и, зачастую, в обход мировых тенденций. Автор приходит к выводу, что, пройдя различные этапы своего становления и трансформации, революционный национализм сохранил свою ценность в мексиканском контексте.

Ключевые слова: Мексика; революционный национализм; Сапатистская армия национального освобождения.

На протяжении вот уже нескольких веков национализм и революция развиваются как взаимосвязанные феномены. Их отношения являются противоречивыми и неоднозначными, что, однако, не умаляет факта их взаимного влияния, которое начинает проявляться со времен Великой Французской революции и развивается на протяжении XIX в., то сводя, то разводя эти феномены [4, 5]. Начало XX в. не становится исключением: национализм и революция объединяются в новом течении консервативной революции [1]. Более того, на протяжении всего XX в. национализм и революция продолжают совместное развитие в идеологии и практике ряда национально революционных движений, таких как Ирландская республиканская армия (ИРА) и национально-освободительные движения в странах Латинской Америки [10]. Несмотря на общие тенденции развития национализма и революции, ряд национально-революционных движений имеют собственную хронологию взаимодействия. На современном этапе национальные движения, хотя и трансформируются, но не утрачивают собственной революционности, в то время как для большинства постиндустриальных государств национализм и революция «не просто расходятся, но и теряют то значение, которое они имели на протяжении двух предыдущих веков» [4, 52].

Революционный национализм в Мексике представляет собой один из таких особых случаев. Развитие национализма в Мексике было подвергнуто подробному анализу в работах многих авторов. Как отмечает Н.Н. Платошкин, долгое время «Мексика была примером социального переустройства для всей

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00223).

² Кузнецова Александра Витальевна – старший преподаватель кафедры социальной и политической конфликтологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет. E-mail: akuz-nets@alumni.nd.edu.

© Кузнецова А. В., 2017

Латинской Америки» [7, 5]. Тем не менее, национализм в Мексике и его связь с революцией редко подвергались сравнительному теоретическому анализу [20, 363].

Взаимодействие революции и национализма в Мексике имеет ряд особенностей, не характерных для традиционного развития этих феноменов в Европе. В частности, Б. Андерсон отмечает такие особенности креольского, в частности, мексиканского национализма, как неразвитость «средних классов» европейского типа и интеллигенции, в результате чего революции были инициированы состоятельными землевладельцами, торговцами и разного рода профессионалами, испытывавшими страх перед политической мобилизацией «нижних классов». Креольский национализм отличало и то, что он был основан на языке империи и развивался в рамках границ, установленных метрополией. Даже блестяще образованные креолы не допускались в метрополию: «Из 170 вице-королей в испанской Америке до 1813 г. креолами были только четверо» [2, 35]. Очевидно, что в случае Мексики народные представления о нации значительным образом отличались от политических проектов, предлагаемых группами креольских элит в крупных городах [23].

Идеи Б. Андерсона и других конструктивистов относительно мексиканского национализма как модели социального строительства были подвергнуты критике со стороны некоторых исследователей. Так, К. Ломниц отмечает, что развитие мексиканского национализма протекало не только вертикально (т. е. сознательно конструировалось и спускалось креольской интеллигенцией к менее образованным слоям населения), но и горизонтально. Согласно этой точке зрения, мексиканские крестьяне также выдвигали собственные представления о нации, основанные на идеях индейских сообществ и других традиционных ценностях. Таким образом, мексиканский национализм развивался в результате своего рода «переговоров» между различными слоями населения [17, 338–339]. В создании революционно-националистического симбиоза простой народ оказался как реципиентом националистических взглядов элиты, так и равноправным участником их создания. Мексиканская нация стала результатом не только работы «элитных архитекторов», но и простых пеонов. Соответственно, институциональные формы национализма в Мексике существовали наряду с более традиционными культурными формами, необходимыми для легитимации власти, что отвечает этно-символическому подходу [21, 503–515].

Истоки мексиканского национализма уходят корнями в войну за независимость от Испании 1810–1821 гг., однако революционный накал не остывал на протяжении всего XIX в., пока не вылился в революцию 1910–1917 гг. Революционность первого этапа креольского национализма в целом соответствует первому (совместному) этапу зарождения и взаимодействия революции и национализма [4; 5]. Безусловно, революционный характер креольского национализма был отчасти обусловлен событиями в самой метрополии: французским вторжением в Испанию и революционной освободительной войной, что дало надежду (впоследствии не сбывшуюся) на реализацию собственных национальных ин-

тересов. Временный вакуум власти в колониях не мог не заполниться революционными хунтами. Несмотря на незавершенность буржуазно-демократических преобразований в Латинской Америке начала XIX в., национализм реализовывался революционными методами. Эти методы были, с одной стороны, почерпнуты из опыта европейских революций; не случайно, например Дж. Гарибальди, наряду с революционной деятельностью в Италии, активно участвовал и в борьбе за независимость Южно-американских республик. Кроме того, война за независимость в США также оказала влияние, в частности, обеспечив «конституционные модели» для новых государств Латинской Америки. С другой стороны, выбор революционных методов был обусловлен описанным выше латиноамериканским контекстом, а также международной поддержкой национальных движений, главным образом со стороны Великобритании и США [16, 55–103]. Традиционные для европейских национализмов характеристики в Мексике, хотя и присутствовали, но лишь частично и в усложненном виде [23]. Именно «из этого глубокого ощущения новизны родилось... выражение *nuestra santa revolucion* [наша святая революция]» [2, 15].

Таким образом, в креольской борьбе за независимость не только проявилось влияние Французской и других революций, но и само развитие национализма потребовало революционной борьбы. В мексиканском случае проявилась не просто связь, а взаимообусловленность феноменов национализма и революции. Более того, по мнению Б. Андерсона, именно креольский национализм позволил этим «воображаемым сообществам» защитить себя от империи [2]. С ним согласен и Э. ван Янг, утверждая, что на этапе зарождения мексиканского национализма (с 1810 по 1821 г.) можно говорить о «первой великой войне за национальное освобождение» [23, 7] и мексиканском прото-национализме и едва ли о собственно мексиканском национализме. Изначально «креольский национализм был далек от создания мексиканской нации: скорее он искал ослабления контроля метрополии» [23, 284].

Если в Европе взаимосвязь национализма и революции начинает постепенно угасать к середине XIX в., и в противовес ей возникают альтернативы интернационалистической революции и «охранительных национализмов» [4; 5], то в Мексике, напротив, революционность национализма продолжает сохранять свое значение благодаря влиянию как внешних, так и внутренних факторов. Существенное внешнее давление на мексиканский национализм оказывает соседство с могущественным северным соседом, а также другие иностранные интервенции. Немалую роль сыграл и тот факт, что вскоре после обретения независимости Мексика проигрывает войну Соединенным Штатам и теряет значительную часть собственной территории. Это унижение приводит к требованиям реформ и становится одним из толчков к новой революции в 1854–1855 гг. Впоследствии США будут продолжать играть роль катализатора в развитии мексиканского национализма. Мексиканская идентичность включит в себя метисизацию (*mestizaje*), признание этнических корней и гордость за героическое индейское прошлое [20, 370–371].

Самым существенным внутренним стимулом к сохранению революционности национализма стало недовольство индейских общин реформами. Несмотря на то, что ряд мексиканских политических лидеров и вождей революции были индейцами (например, Бенито Хуарес), наибольшее влияние на формирование мексиканского национализма оказали именно креолы. Однако креольский национализм был несовершенен, в первую очередь, потому что он исключал из своей орбиты значительную часть индейского населения. Здесь проявилось основное противоречие мексиканского национализма. С одной стороны, националисты говорили «от лица умерших», установление языковой связи с которыми было невозможным или нежелательным [2, 28]. С момента провозглашения независимости все без исключения мексиканские правительства с гордостью обращались к индейским корням с целью инициировать поддержку населения. С другой стороны, они активно участвовали в эксплуатации и прямом истреблении коренного населения, что зачастую обосновывалось отсталостью индейской культуры, которая могла быть лишь основой (а не синонимом) настоящей мексиканской нации. Метисизация же должна была трансформировать индейские основы (как в расовом, так и в культурном смысле) для стимулирования дальнейшего развития нации [20, 374].

Подобная политика не могла не вызвать протеста коренного населения Мексики. К моменту начала мексиканской революции модернизация и иностранный капитал ослабили власть вождей, в лице которых крестьяне лишились заступников. Кроме того, к середине XIX в. возникает рабочий класс, имеющий иные нужды и цели, нежели крестьяне. Нерешенный земельный вопрос будет также подталкивать индейское население к восстаниям. Так, радикальная реформа 1856 г. отобрала недвижимость у церкви и коллективных индейских земель, что привело впоследствии к гражданской войне [7, 22–83]. Во времена диктатуры Порфирио Диаса (1876–1911 гг.) конфискация общинных индейских земель продолжилась, в результате значительная их часть перешла крупным землевладельцам и иностранным компаниям. Крестьяне лишались своего единственного и без того незначительного дохода.

Результатом этих процессов стала революция. На начальном этапе революции требования крестьян-индейцев были весьма расплывчаты. Однако когда Эмилиано Сапата стал военным руководителем восстания, ситуация изменилась. Сапате удалось сформулировать четкую программу аграрных реформ и общенациональную политическую и социально-экономическую программу («план Айялы»), объединив вокруг себя не только крестьян, но и интеллектуалов, которые и помогли ему составить программу [7, 284]. Со временем Сапата становится идейным лидером мексиканской революции. Будучи родом из штата Морелос, населенного преимущественно индейским населением, Сапата бросил вызов традиционным ценностям мексиканского национализма, выведя на передний план интересы коренного населения. Его основным требованием становится национализация земель и возвращение их крестьянам. Сапата был, пожалуй, наиболее ярким представителем индейского национализма, объединивше-

го его с уже ставшей традиционной для Мексики идеей революции. Не случайно сапатистским идеям еще придется воскресать после смерти самого Сапаты. Взгляды еще одного из вождей мексиканской революции – Панчо Вилья – также являют собой пример синтеза национализма и революции. В частности, после атаки генерала Першинга, Вилья призывает мексиканцев бороться с «врагами нашей расы» [7, 402].

Таким образом, мексиканский революционный национализм обретает новые черты и новых героев, которым придется сыграть роль в дальнейшей истории Мексики. Тем временем, в результате убийства Сапаты, а затем и Вильи, был нанесен удар не столько по революции (хотя речь президента Плутарко Кальеса в сентябре 1928 г. официально положила начало контрреволюции [9, 16]), сколько по индейскому национализму. С приходом к власти Альваро Обергона индейские восстания начинают жестоко подавляться, а национальный образ мексиканца всё более трансформируется с акцентом на испанские корни. Предпринимаются попытки ассимилировать индейцев [8, 191–365]. Эти события совпадают со временем расцвета идей консервативной революции в Европе, главным образом, в Германии. Неудивительно, что и в самой Мексике появляются фашистские организации, а консервативные течения активно привлекают сторонников. Примером этому могут служить повстанцы «кристерос», оспаривавшие революционную по своему содержанию (особенно для своего времени) конституцию и боровшиеся против её антиклерикальных положений.

В целом к 1928 г. революционные преобразования завершаются, но революционная риторика продолжает звучать с политических трибун. Так, правящая партия получила название *Национально-революционная партия* (НРП), и ее доминирование в значительной мере поддерживалось дискурсом революционного национализма, а также многочисленными национальными праздниками, памятниками и системой всеобщего образования, закрепляющей этот дискурс. В результате с помощью революционно-националистического дискурса институциональные преобразования политической системы и экономическая модернизация постреволюционного периода были представлены как продолжение революции [21, 500–501]. В действительности же революционные преобразования перестают пользоваться успехом, революция остается скорее популистской референцией. Имя революции использовалось как для легитимации власти, так и для ограничения оппозиции [см., напр., 15, 8; 21] с помощью политики «навязанного единства» [20, 383], включая ассимиляцию коренных народов.

Неготовность продолжать революцию подтверждает и тот факт, что попытка Ласаро Карденаса после прихода к власти провести сельскохозяйственные реформы и ввести ряд регуляционных мер в экономике не имела радикального эффекта. Национально-революционная партия, трансформированная сначала в партию мексиканской революции, а после Второй мировой войны в институционно-революционную партию и вовсе потеряла свой революционный характер, став умеренной партией социалистического толка, пытавшейся примирить интересы различных групп и создать «гармони[ю] между трудом и ка-

питалом» [9, 350]. Сходным образом меняется и националистическая политика правящей партии. Ее манифест теперь отчасти повторяет изречение К. Маркса «Рабочие не имеют отечества» [19] и объявляет, что «мексиканская революция не является чисто национальным явлением, а представляет собой часть мирового процесса борьбы трудящихся за свое освобождение» [9, 330].

Таким образом, революционная борьба в Мексике отходит на задний план, что с особой очевидностью проявляется во времена экономической стабилизации 1960-х гг. Однако одобрение ИРП в 1980-е гг. неолиберальных реформ, значительно сокративших роль государства в экономике, коренным образом трансформировало изначально социалистические идеологические установки партии. Впрочем, именно это решение изменило взаимоотношения мексиканского национализма и революции. Дело в том, что ИРП отказывается не только от революционных методов, но и коренным образом пересматривает свою националистическую политику. Мексиканское руководство усиливает взаимодействие с Соединенными Штатами, ставшими основным экономическим партнером и политическим союзником Мексики. Резкое уменьшение государственной поддержки и приток иностранного капитала поставили национальных предпринимателей в крайне невыгодное положение. Более того, отмена поддержки государства в области культуры, направленной на формирование национальной мексиканской идентичности (например, поддержка программ обучения испанскому языку) также вызвала протест среди населения [20, 372].

Стоит отметить, что эта трансформация происходит постепенно. Поначалу после кризиса 1982 г., напротив, происходит усиление националистической риторики для национального сплочения (пусть временного) на фоне кризиса мексиканского модернизационного проекта [23]. Пришедший к власти Мигель де ла Мадрид использует либерализацию экономики с целью выхода из кризиса. В то же время, в своем ежегодном обращении к нации президент, призывая к национализации банковского сектора, вспомнил и ацтекского императора, и мексиканскую революцию, и национализацию нефтяной промышленности Карденасом, что вызывает очередной всплеск национализма. Интересно, что к своим консервативным противникам де ла Мадрид обращался не иначе как «контрреволюционеры», подтверждая приверженность власти национально-революционной риторике [21, 501–510]. Впрочем, несмотря на попытку конфронтации, Мексика вскоре станет «образцовым дебитором» [15, 71] различных международных финансовых институтов и примет правила неолиберализма, претворяя их в жизнь опять же под флагом революции, обновившей себя вследствие неизбежности модернизации [21, 512].

Коммодификация революционно-националистического дискурса при доминирующей роли ИРП вскоре вызвала сопротивление. В самой ИРП наметился раскол, в результате которого часть членов, не согласных с проведением неолиберальных реформ и углубляющимся социальным неравенством, вышла из партии. Сама же ИРП продолжает радикальные реформы. Так, Карлос Салинос де Гортари продолжил неолиберальную политику, разработав план модер-

низации экономики, а также государственных реформ, направленных против тех в ИРП, кто были не согласны с преобразованиями [3, 54]. С приходом к власти президента Салинаса получает распространение так называемый «новый национализм», предполагающий, что защита национальных интересов Мексики возможна только путем ее интеграции в мировую экономику [15, 200–202].

С. Моррис связывает подобную динамику мексиканского национализма с изменением роли государства, экономическим кризисом и сменой век во взаимоотношениях Мексики и Соединенных Штатов [20, 397]. На этом новом для Мексики этапе революция также находит новое – технократическое – воплощение. Ее инструментом стал бюрократический контроль над экономическими и политическими ресурсами. Новая технократическая революция стала возможной благодаря тому самому бюрократическому аппарату, который она намеревалась разрушить [15, 5–73]. Как и в СССР, реформы инициировала сама правящая элита [3, 54].

Учитывая подобные перемены, сохранение роли революционно-националистических идей кажется удивительным. Возможно, революционный дискурс оказался жизнеспособным в Мексике именно потому, что революция имела разное значение для различных слоев мексиканского населения. Те, кто считали себя революционерами, предъявляли различные требования к социальной трансформации, которые зачастую противоречили друг другу. А «салино-стройка» [неолиберальные реформы президента Салиноса] представляла собой победу карранистского или обергонистского взгляда на революцию над взглядами Сапаты» [15, 176–177].

Однако революционный национализм, в течение длительного времени используемый партией власти, неожиданно оказался востребованным оппозицией (в некотором смысле руководство страны даже сыграло ей на руку). В результате углубления неолиберальных реформ и интеграции Мексики в Североамериканское соглашение о свободной торговле своё неожиданное продолжение мексиканский симбиоз национализма и революции получил в деятельности Сапатистской армии национального освобождения (САНО).

Сапатисты объединили марксистские идеи с традиционными воззрениями коренного населения Мексики, что было характерно для революционных движений и в других странах Латинской Америки (как, например, «Тупамарос» в Перу), а также наксалитов в Индии. Восстание 1994 г., бывшее, на первый взгляд, одним из множества восстаний подобного рода в Мексике, на самом деле бросило вызов сложившимся взаимоотношениям революции и национализма, требуя автономии, прекращения расовой дискриминации и уважения к индейским традициям. Сапатисты стали двигателем мобилизации коренного индейского населения и бросили вызов традиционным мексиканским взглядам на нацию. Именно сапатистское движение (а не модернизация) поставило вопрос о революционной трансформации общества на плюралистических и мультикультурных основах. Коренные народы Мексики продолжали оставаться в самом низу социальной лестницы, в то время как представители высших классов

неизменно высказывались за их «интеграцию», даже если это потребует отказа от традиционных ценностей [23, 375–390]. Вступление Мексики в НАФТА создало угрозу выживанию индейских общин. Не случайно именно они станут основной социальной базой САНУ, представлявшей собой «принципиально нов[ую] модель деятельности радикальной оппозиции левацкого толка» [6, 89].

Приспособление интернационалистических идей революции к локальным особенностям позволило сформировать новый для Мексики вид революционного национализма, оказавшийся весьма жизнеспособным. Сапатисты отмечают, что, с одной стороны, угроза глобализации требует защиты национального государства, но при этом необходимо и сохранение автономии индейских народов [11, 193]. Отталкиваясь изначально от идей марксизма, движение сумело трансформировать себя с учетом индейских крестьянских традиций. Один из военных и идеологических лидеров САНУ субкоманданте Маркос, начав с попыток обучения жителей штата Чьяпас основам марксизма, сам впоследствии воспринял и творчески переработал индейские мифологию и мировоззрение. Маркос (настоящее имя предположительно Рафаэль Себастьян Гильен) пришел в сельву в 1980-е гг. со своими сторонниками, разделявшими марксистские взгляды на революцию. Вполне возможно, что на этом начальном этапе Маркос разделял интернационалистские воззрения: в частности, писали о его возможном сотрудничестве с сандинистами в Никарагуа до создания САНУ [18]. Маркос и сам не скрывал марксистских истоков идеологии САНУ. В своих интервью он рассказывал о своей семье, литературных вкусах и героях, сформировавших у него левые взгляды [см.: 11]. В то же время Маркос цитировал индейские притчи, утверждая, что «индейская реальность начала шлифовать края» [11, 25] его марксистских взглядов. Он интерпретировал социальную реальность в большей мере в этнических, чем в классовых терминах, отказываясь от ряда предыдущих марксистских установок [22]. Связывая индейский национализм с революционными методами, Маркос отмечал, что «в Мексике... восстановление и защита национального суверенитета являются частью антилиберальной революции» [11, 193]. Основным упущением левых течений, по его мнению, является фактическое игнорирование индейских народов при попытке говорить от их лица, что сам Маркос называл «политическ[ой] мастурбаци[ей]» [11, 34].

Идеология САНУ формировалась как националистическая, однако не избежала в своем развитии ряда противоречий. Как отмечает ван ден Берг, САНУ представляет собой одновременно локальный, национальный и пост-национальный феномен. Так, элементы этнического национализма проявляются в разработке новой роли индейского населения в мексиканской историографии и требовании права считаться отдельной этнической группой. Более того, у Маркоса можно часто заметить высказывания о моральном превосходстве коренного населения [22]. Так, Шестая Декларация Лакандонской сельвы упоминает 500 лет борьбы, начиная отсчёт революции с первых столкновений индейцев с испанскими колонизаторами [14].

В то же время САНО не призывает к сепаратизму, а выступает за мексиканское единство и соединяет в себе собственно сапатистскую, индейскую и мексиканскую идентичности. Путешествия жука Дурито, описываемые Маркосом, часто апеллируют ко всем мексиканцам, включая иммигрировавших в США. Постнациональные высказывания Маркоса, как, например, отдельные фразы о негативном влиянии разделения мира на национальные государства, встречаются нечасто, однако эти перемены в дискурсе интересны, ибо они совпадают с поворотом мексиканского руководства к глобализму [22].

Наконец, национализм САНО безусловно революционный. Сапатисты апроприируют фундаментальные символы мексиканской революции, связывая своё восстание с участием населения Чьяпаса в революции 1910 г. Так, Маркос рисует одного из героев своих произведений – старика Антонио – в качестве героя тех лет, «вкладывая» в его карман фотографию Сапаты. История старика Антонио устанавливает идейную связь между индейцами и революционерами. На революционный образ Сапаты, нередко используемый официальными властями Мексики, теперь претендует САНО. Переписывание мифа о Сапате позволяет выделить особое место индейских народов в истории революционной борьбы [22]. Кроме того, Маркос всячески уходит от рассмотрения неравенства и конфликтов внутри самих индейских общин, предстающих гомогенным и бесконфликтным сообществом.

Как и большинство националистических движений, сапатисты выработали уникальную символику. Символика и атрибуты САНО изначально отражали преемственность по отношению к марксизму и анархизму: красная звезда на чёрном фоне, чёрные маски и чёрные платки. В то же время постепенно вводятся «индейские» составляющие, включая мифологию, смену красного цвета на чёрный – «цвет земли», по утверждению Маркоса [11] и т. д. Хотя использование чёрного цвета является традиционным для анархистов, он также соотносится со взглядами сапатистов на этничность. В частности, Маркос делает акцент на «тёмные лица» в армии революционеров и моральное превосходство индейцев [22].

Особенностью САНО (и её отличием от других революционных армий левого толка) становится не просто опора на местное гражданское население, а полное подчинение её руководства индейским общинам. Территорию своих действий САНО ограничила штатом Чьяпас, действуя от имени индейских общин, которые обратились к ним за помощью. Маркос также всячески избегает персонификации власти, подчеркивая, что он не лидер и идейный вдохновитель революции, а скорее исполнитель решений индейских общин. Несмотря на то, что подобное поведение совпадает с представлениями индейцев об иерархии, для сапатистов это вызовет ряд проблем. Ни у кого из других лидеров САНО нет возможностей Маркоса примерять на себя разные роли. Коллективный голос сапатистов продолжает звучать голосом Маркоса.

Основываясь на индейских традициях, сапатисты при этом придерживаются весьма широких взглядов в отношении собственных сторонников, утвер-

жда, что «в сапатизм вмещаются все» [11, 112]: мужчины, женщины, представители различных рас, религий и сексуальной ориентации. Идеино они приветствуют борьбу всех угнетённых народов, поскольку считают интернационализацию угрозой всему человечеству.

Сапатисты отказываются от идеи прихода к власти в качестве революционной армии, а выбор революционных способов борьбы объясняют безвыходностью положения, всячески подчеркивая свою готовность к переговорам. При этом они стараются избегать насилия, если может пострадать гражданское население, и выражают желание перейти на политическую стадию борьбы [6, 91], создавая гражданскую организацию – Сапатистский фронт национального освобождения. Сам Маркос призывает не к захвату власти, «а революционно[му] изменени[ю] отношений с теми, кто ее осуществляет» [11, 112].

Решение вступить в НАФТА для Мексики означало углубление процессов глобализации, строительство американских предприятий на территории страны, ориентацию на доходы от продажи нефти [3]. Все это не могло не задеть националистических чувств и не вызвать протест большинства населения страны. Свою первую крупную вооруженную акцию сапатисты провели 1 января 1994 г., когда Мексика становится членом НАФТА, захватив несколько муниципальных центров в штате Чьяпас. Жёсткое подавление акции САНУ, в ходе которого федеральным правительством были задействованы войска и авиация, подтолкнули гражданские акции к поддержке сапатистов и привлекли внимание мирового сообщества. В результате в 1995 г. правительство Мексики пошло на переговоры и заключило мирный договор с сапатистами – «Сан-Андрес», в котором гарантировало конституционное признание прав и свобод индейского населения и его право на автономию и самоуправление общин, что, однако, не закончило революционного противостояния сапатистов, считавших, что положения договора нарушаются.

Динамика мексиканского революционного национализма ещё раз подтвердила вступление этих феноменов в новый этап взаимодействия. С одной стороны, как мы видим на примере большинства постиндустриальных государств, взаимосвязь этих феноменов постепенно утрачивает свое значение на глобальном уровне в 1960–1990-е гг. С другой стороны, пример САНУ открывает новое «постмодернистское» сочетание этих феноменов, что подтверждается в «Шестой Декларации Лакадонской сельвы» [14]. В новом тысячелетии сапатисты переходят к новым способам борьбы, проводя такие ненасильственные акции, как мирный поход на Мехико в 2001 г. или протест против строительства супермаркета Walmart на индейских землях, привлекают внимание общественности и международных организаций с помощью СМИ, а также проводят встречу коренных народов. Их центральный призыв – борьба против глобализации, вытеснившей национальные государства и подрывающей основы многих локальных культур [12]. В результате сапатисты практически исчезают с радаров СМИ и с авансены политической жизни Мексики. САНУ не удалось добиться существенных структурных перемен, однако автономные индейские

общины (*caracoles*), использующие традиционные практики управления политической и экономической жизнью, продолжают существовать по сей день. Эти общины рассматриваются сапатистами как форма гражданского сопротивления, содействующая трансформации без насильственной революции, хотя это сопротивление остается незамеченным для большинства мексиканцев. В 2014 г. Маркос объявил о своем уходе с поста «голоса» сапатистов, объясняя это необходимостью внутренних изменений и отвергая слухи о собственной болезни, и продолжает публиковаться, но уже под псевдонимом «субкоманданте Галеано» (по имени сапатистского учителя, убитого вооруженными отрядами самообороны).

Несмотря на ряд поражений ИРП на выборах, противоречивость неолиберальной «революции», смену вех в сапатистском движении, революционный национализм в Мексике продолжает жить [21, 515]. Его востребованность объясняется как глобальными геополитическими изменениями, так и новой личностью эпохи постмодерна [10, 176–177]. Модернизация смогла лишь отчасти подавить националистические настроения в 1980–1990 гг., позволив Мексике, среди прочего, сблизиться с США, однако именно она подтолкнула и обратный всплеск национализма, примером чего стал сапатизм. Таким образом, случай Мексики остается одним из самых противоречивых примеров взаимодействия национализма и революции.

Библиографический список

1. Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов (проблемы интерпретации) // Полис. 2003. № 4. С. 94–107. [Allenov S.G. The “Conservative revolution” in Germany of 1920s – early 1930s (Problems of Interpretation). *Polis. Political Studies*. 2003. No. 4. P. 94–107].
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. [Anderson B. *Imagined Communities*. М., KANON-PRESS-TS, Kuchkovo pole Publ., 2011. 288 p.].
3. Вершинина И.М. Мексика: три десятилетия неолиберальной политики // Латинская Америка. 2013. № 7. С. 50–60. [Vershinina I.M. Mexico: three decades of neoliberal politics. *Latinskaya Amerika*. 2013. No. 7. P. 50–60].
4. Кузнецова А.В. Национализм и революция: случай Ирландии // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 3. С. 51–65. [Kuznetsova A.V. Nationalism and revolution: The case of Ireland. *Review of Political Science*. 2015. No. 3. P. 91–100].
5. Кузнецова А.В. Теоретико-методологические подходы к исследованию взаимодействия и взаимовлияния национализма и революции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5–1. С. 36–39. [Kuznetsova A. V. Theoretical and methodological research approaches towards the interrelation and interinfluence of nationalism and revolution. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2014. No. 5. P. 36–39].

6. Морозов И.Л. «Фракция Красной Армии» в Западной Германии и «Сапатистская армия национального освобождения» в Мексике: Сравнительный анализ. Волгоград, 2009. [Morozov I.L. The “Red Army faction” in Western Germany and the “Zapatista army of national liberation” in Mexico: a comparative analysis. Volgograd, 2009].
7. Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Истоки и победа 1810–1917 гг. М., 2011. Т. 1. [Platoshkin N.N. The history of Mexican revolution. The origins and victory 1810–1917. М., 2011. Vol. 1].
8. Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Выбор пути 1917–1928 гг. М., 2011. Т. 2. [Platoshkin N.N. The history of Mexican revolution. Choice of the way 1917–1928. М., 2011. Vol. 2].
9. Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Время радикальных реформ 1928–1940 гг. М., 2011. Т. 3. [Platoshkin N.N. The history of Mexican revolution. The time of radical reforms 1928–1940. М., 2011. Vol. 3.].
10. Сергеев С.А., Кузнецова А.В. Диалектика революции и национализма: от современности к постсовременности // Национальная безопасность России в глобализированном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития: сб. трудов междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под общ. ред. проф. В.П. Шалаева. Ч.1. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. С. 171–178. [Sergeev S.A., Kuznetova A.V. Dialectics of revolution and nationalism: from modernity to postmodernity. National security of Russia in a globalized world: condition, challenges, risks, and mechanisms of sustainable development. Proc. of Int. Sci. Conf. in 2 vols. Ed. By V.P. Shalaev. Vol. 1. Yoshkar-Ola, Volga State University of Technology Press, 2015. P. 171–178].
11. Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка. М., 2002. [Subcomandante Marcos. *The other revolution. Zapatistas against the new world order*. М., 2002].
12. Субкоманданте Маркос. Четвёртая мировая война. Екатеринбург, 2005. [Subcomandante Marcos. *The fourth world war*. Ekaterinburg, 2005. 694 p.].
13. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. [Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780*. SPb., 1998].
14. Шестая Декларация Лакандонской сельвы. Сапатистская армия национального освобождения Мексики (САНО). [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_577.html (дата обращения: 21.08.16). [The Sixth Declaration of the Lacandon Jungle. *Zapatista Army of National Liberation (EZLN)*. Available at: http://scepsis.net/library/id_577.html (accessed 21.08.26)].
15. Centeno M. *Democracy within Reason: Technocratic Revolution in Mexico*. Pennsylvania State University Press, 1994.
16. Hobsbawm E. *The age of revolution 1789–1848*. New York, New American Library, 1962.
17. Lomnitz-Adler C. *Deep Mexico, Silent Mexico: An anthropology of nationalism*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2001.

18. Mexico Unmasks Guerrilla Commander Subcomandante Marcos Really Is Well-Educated Son of Furniture-Store Owner. *The Spokesman Review*. 1995. Available at: <http://www.spokesman.com/stories/1995/feb/11/mexico-unmasks-guerrilla-commander-subcomandante/> (accessed 21.08.16).
19. *Marx K.* Communist Manifesto. S. 1., Pluto Press. 2008.
20. *Morris S.* Reforming the Nation: Mexican Revolution in Context. *Journal of Latin American Studies*. 1999. No. 2. P. 363–397.
21. *Sheppard R.* Nationalism, economic crisis and ‘realistic revolution’ in 1980s Mexico. *Nations and Nationalism*. 2011. No. 3. P. 500–519.
22. *Vanden Berghe K., Maddens B.* Ethnocentrism, Nationalism and Post-Nationalism in the Tales of Subcomandante Marcos. *Mexican Studies*. 2004. No. 1. P. 123–144.
23. *Young E.V.* The other rebellion: popular violence, ideology, and the Mexican struggle for independence, 1810–1821. Stanford, Calif., Stanford University Press, 2001.

NATIONALISM AND REVOLUTION: THE CASE OF MEXICO

A. V. Kuznetsova

Senior Lecturer, Department of Political and Social Conflict Studies,
Kazan National Research Technological University

The article analyzes interaction of nationalism and revolution in Mexico. These two phenomena have been developing together since their genesis, often beyond global tendencies. The author concludes that after going through different stages of its formation and transformation revolutionary nationalism has preserved its value in Mexican context.

Keywords: Mexico; revolutionary nationalism; Zapatista National Liberation Army.